Ничья
девочка
Его
СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
18+
Ульяна Соболева

Ульяна Павловна Соболева

Ничья его девочка

Серия «Монстр и Девочка», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39834124
SelfPub; 2022

Аннотация

Такие, как Захар Барский, никого не любят. Только используют, отнимают, втаптывают в грязь и жестоко казнят… Так же он поступит и со мной. Он – хозяин этого города, он старше меня вдвое, у него своя семья, а детдомовская оборванка, как я, никогда не стала бы ее частью. Если бы не страшная тайна… и не запретная страсть.

В оформлении обложки использована фотография автора Tverdohlib ресурс depositphotos. Лицензия #135341576 и фотография автора EugenePartyzan ресурс depositphotos. Лицензия #118964500

Издание содержит сцены насилия и жестокого обращения.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 14
Глава 3 25
Глава 4 35
Глава 5 46
Глава 6 56
Глава 7 62
Глава 8 71
Конец ознакомительного фрагмента. 72

Ульяна Соболева
Ничья его девочка

Глава 1

Было очень холодно. Так холодно, что у меня зуб на зуб не попадал, а дырявая куртка ни черта не грела. Ужасно хотелось курить. Не просто потому что хотелось, а от голода. Иногда покуришь, тошнить начнет, и есть не так хочется. Особенно сейчас, когда со всех сторон доносились запахи праздника, и вокруг меня домашние дети жрали сладкую вату, чавкали хот-догами, шаурмами, шелестели обертками шоколадок, и мой желудок сводило болезненными спазмами, а на глаза слезы наворачивались. Нет, не от зависти. Нас напрасно завистливыми считают, не завидуем мы, все гораздо хуже – мы отнять хотим и отнимаем, если можем. Те, кто посильнее, выдирает зубами с мясом. А слабые так и шатаются от голода или дохнут. Думаете, официально озвучивают – сколькие из нас коньки отбрасывает по детдомам? Эпидемиями гриппа прикрываются, врожденными болезнями, родителями наркоманами и плохой наследственностью, пороками сердца. А мы дохнем совсем от другого, и никому до нас нет дела. Я вот не помню себя в детстве. И нет, у меня не

амнезия. У меня какая-то серьезная психологическая травма, и я специально не хочу ничего вспоминать. Так говорит наша психолог, при этом забывая доложить куда надо о том, что у меня на руках синяки и губы часто разбиты. Не так с педагогами разговариваю. Хамлю, не подлизываюсь, сбегаю. За это меня можно бить в воспитательных целях. И не только меня. Нас всех. И жаловаться некому. Я как-то пригрозила, что сбегу и расскажу, что тут творится, так меня в лазарет отправили и к кровати привязали. Сказали, что сама головой о стены бьюсь и, если так продолжится, отправят в психушку. Одна уже там побывала, теперь улыбается все время и молчит. Ее, правда, больше не бьют… но я лучше битой буду.

Обернулась назад, натягивая серую пацанячью шапку на уши и всматриваясь в толпу – видать, не заметили, как я смылась. Им не до меня, там мелких куча. Вывезли убогих в центр на День города погулять и подарки от мэра получить, речь его умную послушать с песенками и плясками. Раздадут всем кулечки и под зад коленом. Что-то вроде три конфетки, три вафельки и печенька. Нате – жрите, не ревите. Подачку с барского стола… С Барского. Как в тему звучит. Захар Барский – наш мэр и по совместительству самый богатый человек в городе. Я, конечно, плохо во всем этом разбираюсь, но точно знаю, что он миллионер и его все боятся. Даже заведующая наша, Марфа Степановна, когда его имя говорит, то всегда тише, чем обычно, и всегда хвалебные оды

напевает. Так что впечатление создается, что он не мэр, а сам дьявол, который за одно неверное слово утащит ее в преисподнюю. Вроде как он нашему детдому средства жертвует. Его руководству, разумеется. Степановна ж недавно дачу достроила, и сыночек ее в университет поступил. Она фотками весь свой кабинет обвесила. Гордится наворованным. Интересно, почему фотки мертвых воспитанников не вешает на долгую память?

Я на руки замерзшие подула, пытаясь отогреть, и в карманы спрятала. Нос покалывает от холода, и я точно знаю, что он сейчас красный. Да и вообще страшная я в куртке этой облезлой, джинсах на два размера больше и рожей конопатой. К Барину нашему меня точно не подпустят и на пушечный выстрел. А мне надо. Очень надо к нему. Пусть знает, что я живая, пусть больше не спит спокойно, и мне страшно становится, а вдруг этот дьявол прибьет меня потом на хрен? Кто он и кто я? Только слишком хорошо ему живется, пусть делится, пусть хоть немножко и мне даст. Чтоб я с этого ада сбежать смогла и жить где-то далеко, учиться, умной стать и тоже деньги зарабатывать. Я, может, книги писать хочу или дизайнером одежды быть. А не в училище да в общежитие. Мне сказали, что мама моя дизайнером была, а отец… у отца свой бизнес был, очень крутой бизнес, с самолетами связанный. Только никто этого не знает… я и сама не так давно узнала.

Снова по сторонам осмотрелась, на меня какая-то девка

уставилась в шмотках дорогих, сотовый в руке сжимает, губы накрашены, волосы блестят под пушистой шапкой. Бесит, когда так пялятся, с жалостью и каким-то снисхождением. Типа я зверушка бездомная. Я, может, счастливее ее в тысячу раз. Не в шмотках и бабках счастье.

«А в их количестве, Назарова, запомни!»

– Че смотришь, дура лупатая?

Исподлобья на нее, и она тут же глаза отвела. Шавка трусливая. Они нас, детдомовских, всегда боятся, аура у нас такая злая, голодная. Старше мы всегда выглядим, умнее, выживать привыкли. На большой уличной сцене кто-то постучал в микрофон, по бокам площади включились большие мониторы. О, шоу начинается. Сейчас всем расскажут о процветании родного города, о достижениях, о том, сколько улиц отремонтировано, памятников покрашено. Ублюдки. Лучше б рассказали о том, сколько денег на детские дома выделяется и как там жрать нечего, и как в овсяной каше с утра личинки и черви плавают, как детей воспитатели линейками по спине и по голове бьют. Как мешками еду выносят, а нас баландами кормят и заварку трехдневную в чай кладут, она плесенью воняет. Зато у заведующей грамоты висят, награды за успехи детского дома №15. Не за ее успехи, а наши.

Снова запахло хот-догом, и у меня громко в животе заурчало. Чееерт, как же есть хочется. Даже больно становится внутри, жжет как будто. Рядом со мной баба какая-то стоит – крашеная блондинка, ребенка на руках держит, а тот ша-

риком размахивает. Она в сапожках красных блестящих на каблуках, белом пальто, от нее духами пахнет и другой жизнью. Мне такая не светит даже во сне. Я вообще сны редко вижу, а если и вижу, мне еда снится. Много-много еды. Я ем и никак не могу наесться. Так что я не на ее сапоги и пальто смотрю, а на сумочку кожаную, чуть расстегнутую сбоку так, что краешек кошелька выглядывает. Снова на ребенка посмотрела, он шариком махнул и мне улыбнулся во все свои два передних зуба. Людей я не люблю, а детей да, дети мне нравятся. Маленькие. Честные они, настоящие. Это потом из них вот такие равнодушные вырастают, брезгливые.

Я на монитор снова взгляд перевела. Не буду сегодня ничего тырить… не нужно. Потом подарков барских поем. Там и конфеты будут, и вафли. Но как назло кто-то рядом постоянно чавкал, шелестел, хрустел, и урчание в животе становилось невыносимым. Я сама не поняла, как тот кошелек достала и сразу пошла сквозь толпу на выход.

– Мой кошелек! Там права! Там… она украла. Девка! Вон она – в шапке серой!

– Ах ты ж сучка! Эй! Держите девку в черной куртке, она кошелек у женщины украла.

Твою ж мать! Я начала расталкивать толпу, бежать вперед, оглядываясь на преследующего меня борова с красной рожей. За ним еще парочка активистов увязалась. Так интересно, когда детей педофилы в кусты утягивают, женщин насилуют, так активистов днем с огнем не сыщешь, а на меня

мелкую целая толпа. Че? Я ж самый страшный ужас улиц, меня скрутить в два счета можно и стать великим героем.

– Держите воровку! Вон она, рыжая гадина! Кошелек украла!

Ну все. Шапка, зараза, свалилась с головы, и теперь я сверкала на всю площадь своими ярко-рыжими космами. Прям движущаяся красная мишень. Твари. Ну что им неймется. Всегда ж по хер всем. А с моим счастьем прям отряд Робин Гудов образовался. Я на ходу кошелек открыла, деньги быстро достала и отшвырнула его, пнула ногой. Думала, отвяжутся, но нет, за мной все равно гнались. Даже мент откудова-то*1 выискался и теперь сверкал желтым жилетом поверх формы, пузатый, как шарик, но, гад, не отстает, руками размахивает. Этот если сцапает, будет худо, может и дело завести, а потом Степановна места на мне живого не оставит и в подсобке на неделю с тараканами запрет. Тараканы – это жесть. Тараканов я боялась очень сильно. И она, сука старая злобная, это прекрасно знала.

Каким образом я выскочила с другой стороны сцены, прямо за тремя огромными машинами и выкатилась под ноги охраны Барского, я так и не поняла, но меня толкнули в спину, и я, проехавшись на животе, ободрала щеку об асфальт и клюнула в него переносицей. От боли потемнело перед глазами, и я шмыгнула, втягивая кровь, но она все равно под носом размазалась.

– Держи воровку! – кто-то проорал сзади. Видимо, тот

мент, но его ближе не подпустили. А потом голос и вовсе стих. Правильно, к дьяволу близко подходить нельзя. Даже ментам.

Меня тут же схватили за шиворот и подняли в воздух. Но я уже ничего не слышала и не видела…. потому что ОН совсем рядом стоял, с кем-то говорил по сотовому. На красивых крупных пальцах поблескивало кольцо. А на широком запястье – диск часов. На возню в толпе даже не оборачивался, а у меня сердце так заколотилось внутри, что дышать нечем стало. Впервые так близко увидела и даже ошалела от этого. Не таким он мне представлялся. Другим. Страшным, старым, противным. Зло ведь не бывает вот такое… Оно должно выглядеть, как зло! И я напротив этого зла пышущая праведным гневом стою, говорю кто я, и оно растворяется, исчезает. А сейчас не просто страшно стало, а я вдруг уменьшилась ростом, размерами и вообще в козявку превратилась. Потому что зло имело реальные черты и оказалось намного ужаснее именно своей холодной отстраненностью. Оно излучало тяжелую ауру опасности, и от страха начинало дрожать все тело.

– Отпустите! Отпусти-те-е-е-е! Ничего я не брала! Врет он!

Изловчилась и укусила охранника за руку, тот невольно разжал пальцы, а я вперед рванула прямо к Барскому, и тут же меня снова схватили, руки за спину заломили и наклонили вниз, лицом к асфальту, удерживая заодно и за волосы.

Коса расплелась, и лапы красномордого зарылись мне в космы, причиняя адскую боль. Кровь капнула вниз, и я потянула носом. Отчего-то стало стыдно, что я такая жалкая, захотелось смыться. Я передумала что-то говорить. К своим хочу. Подарки получать и ни о чем не думать. Я даже согласна, чтоб меня отхлестали линейкой.

– Отпуститеее! Сейчас же! Уродыыыы! Больнооо! – завопила так громко, что Барский все же обернулся. А я замерла. Меня глаза его ввели в ступор. Очень красивые и в то же время – страшные глаза. Волчьи. Не знаю, почему именно это сравнение пришло на ум. Они у него очень светлыми оказались, бледно-голубыми. Холодного цвета. Ледяные какие-то. Взгляд неподвижный, и, кажется, даже воздух покрывается инеем, замерзает почти невидимыми тонкими паутинами. Брови слегка на переносице сошлись, и губы сочные чуть брезгливо поджаты, седина на висках поблескивает, запуталась в темно-каштановых волосах. Не красивый, нет, но я отчего-то пошевелиться не могла и даже моргнуть.

На нем пальто стального цвета, воротник голубой рубашки идеально отутюжен, бордовый галстук контрастирует с темно-серым пиджаком. И я не знаю… не смыслю ничего ни в моде, ни в том, насколько стильно он одет. Я вообще это слово из телевизора выцепила, но я точно знаю, что шикарно, особенно вот та золотая полоска на галстуке. Так шикарно, что я бы побоялась коснуться его пальто своими грязными пальцами. Но тут же захотелось это сделать. Схватиться

за него и оставить следы. Пусть корчится от гадливости. Наверное, именно тогда я и влюбилась в него… ужасно влюбилась, намертво.

– Уберите это отсюда. – и отвернулся, собираясь сесть в шикарный серебристый джип.

Это?! Он назвал меня ЭТО. Злость была столь сильной и ослепительной, что казалось, меня живьём подпалили. Слезы на глаза навернулись. Я бы не осмелилась… да, шла за ним, но не осмелилась бы сказать то, что хотела, а сейчас словно черт в меня вселился, и я заорала что есть мочи.

– Не Это! А Есения Назарова! Помните такую? На-за-рова!

Темные брови нахмурились еще больше, и мощные челюсти сжались. Стало страшно втройне, даже мурашки вдоль позвоночника пробежали, и поджались пальцы на ногах. Если в природе и существует жуткий и тяжелый, как камень, взгляд, то я впервые его увидела вживую.

Где-то в подкорке мозга прозвучало его голосом «расстрелять», и послышалась автоматная очередь, я даже увидела себя, падающую на землю с красными дырками в груди. Но меня это не остановило…

– А Сергея Назарова и жену его Людмилу помните? Или память у вас такая же недолговечная, как и ваши обещания?!

Охранник отвесил мне пинка сзади и дернул за волосы еще сильнее.

– Заткнись, шваль! Хотите утоплю сучку наглую? Зубы ей

повыбиваю?

Назаров спокойно осмотрел меня с ног до головы, настолько спокойно, что от этого спокойствия у меня дух захватило и дышать стало больно от страха, потом поднял такой же жутко-спокойный взгляд на охранника, словно меня здесь не было, или я какая-то грязь, не достойная даже слова:

– Не хочу. В машину ее, пусть не орет тут, и вези сам знаешь куда. Да так, чтоб журналисты не видели. Давай, быстро.

Боров красномордый потащил меня за волосы к машине, накрыв мне рот ладонью, я брыкалась и вырывалась, но против него казалась себе бесполезной и беспомощной гусеницей. Боже! Зря я это сказала! Зря! Выждать надо было, как Аська говорила, умно надо было, а не вот так. Сейчас пришибут, и все… он может. Он много лет назад смог и сейчас сможет. Закопают в лесу, и не найдет никто. В этом городе каждая тварь ему ноги целует, ковриком стелется. Дура, Сенька, ты дура. Не отомстишь ты за родителей, никогда не отомстишь. Потому что идиотки мстить не умеют, идиоток быстро убирают, и они вечно молчат.

*1 – здесь и далее слова и словосочетания, свойственные манере речи героев (прим. автора)

Глава 2

Страшно было всю дорогу. Два мужика по обе стороны от меня даже не шевелились и на меня вообще не смотрели. Сидят на полном морозе. Я попыталась пнуть каждого по очереди локтями, но им было совершенно по фиг и на это. Ублюдки связали мне руки сзади рукавами моей же куртки, и теперь я сидела, как псих в робе. Связали, потому что я царапалась и норовила выколоть кому-то глаз. С удовлетворением посмотрела на три ссадины на щеке борова. Так тебе и надо, урод, жаль, у меня когти не ядовитые, а то б воспалилось, но надеюсь, что достаточно грязные. Посмотрела на дорогу в лобовом стекле, и стало еще страшнее, какая-то местность с частными домами и недостроем. Все, Сенька, тут тебя и похоронят, и могилы родителей ты никогда не найдешь. Так и будешь валяться в безымянной ямке, и тебя сожрут черви. От мысли об этом что-то закопошилось в желудке и начало тошнить. Я ужасно боялась насекомых и червей в том числе.

– Куда вы меня везете, придурки? Меня искать будут. Ясно? Вашему мэру потом не поздоровится. Может, его вообще педофилом сочтут и судить будут. Вы подумайте, как это серьезно. Вы без работы останетесь, сопьетесь, будете бомжами. Отпуститеееее! Сволочиии!

Ноль эмоций. Вот же ж уроды. Я начала орать еще громче, чтоб заставить их просто меня выкинуть, но вместо этого красномордый надавил мне на щеки и засунул мне в рот мою же шапку. Лучше б молчала. Эту шапку последний раз лет сто назад стирали. Мне ее Славка подарил незадолго до своей смерти. И я нарочно ее в стирку не отдавала. Вот теперь буду жевать грязь и пыль. Это боров точно за бомжей разозлился. Мы приехали довольно быстро в какой-то недострой с двором, заваленным мусором и огромными кусками пенопласта, белые шарики разнесло по земле, и казалось, что именно здесь выпал снег. Представила себе, как он орошается моей кровью и становится красного цвета. Точно. Вот здесь они меня убьют, потом во дворике прикопают. Я мычала от страха, потом успокоилась, увидев, что машина проехала через двор и выехала на другую дорогу. Черт. Так можно и заикой стать.

Мы въехали на территорию каких-то невозможно крутых особняков, на которые и смотреть было страшно, не то что представлять себя внутри них. В таких живут обычно маньяки и замуровывают свои жертвы в стены. Да, да, да, у меня прекрасное воображение, и я хочу быть писателем. Если доживу. Но и снова мимо, джип понесся дальше и затормозил возле шашлычной на проселочной дороге. Мои следующие мысли вообще полный треш и хардкор, я их даже проговаривать вслух не стану. Меня в холодный пот бросило, и я мысленно начала вспоминать молитву, которой меня учила баба

Дуся, наша уборщица. Но вспомнить так ничего и не смогла.

Из машины меня достали за шиворот и буквально отнесли внутрь здания, пронесли мимо деревянных столов, в какое-то отдельное помещение, посадили на стул и придавили к спинке руками. Ну вот и все. Сейчас свяжут и будут резать на шашлык. Я зажмурилась так сильно, что перед глазами начали расходиться круги.

– Не надо со мной ничего делать. Пожалуйста. Я так ляпнула. Я же ребенок. Никому ничего плохого не сделала. Отпустите меня!

– Армен, принеси мне вина и мясо, как обычно. Ты знаешь.

Голос… я слышала его всего лишь один раз, но сейчас тут же узнала, и мурашки порасползлись в разные стороны, покалывая кожу. Начала саднить щека, и разболелся нос. Запоздалая реакция. Даже представить страшно, что я увижу в зеркале.

– Так как там тебя зовут?

До меня не сразу дошло, что сейчас он говорит со мной, а еще больше разозлило то, что кляп у меня изо рта так и не вытащили. Я замычала, и тут же рот освободился. Сплюнула на пол, а губы вытереть так и не смогла, пришлось елозить физиономией о куртку.

– Есения зовут.

Так и не открывая глаз.

– Фамилия!

– Назарова.

Никакой реакции. Подошел, видимо, официант, что-то поставил на стол. Я открыла один глаз, потом другой. Барский сидел напротив меня и аккуратно разрезал мясо на мелкие куски совершенно спокойно. Вблизи он казался мне еще страшнее.

Каждое движение размеренное, не резкое. Вначале долго на пальцы его смотрела. Ногти ровно острижены, аккуратные, чистые, на запястье вены проступают.

Потом перевела взгляд на лицо. Не красивое, грубоватое, ассиметричное, с крупным носом с горбинкой, полными губами, квадратным подбородком и широкими скулами, покрыто седоватой щетиной. Волосы аккуратно зачесаны назад и поблескивают сединой на висках и над высоким лбом, через который пролегают три морщины. Он снял пиджак, и теперь на нем была надета темно-серая жилетка поверх голубой рубашки, на рукавах поблескивают какие-то брошки. Никогда таких не видела, но смотрится шикарно. Поднял на меня взгляд, и я сильно вздрогнула. А вот глаза у него, и правда, страшные. Нет, они очень красивые, большие, с тяжелыми веками, с глубокими морщинками у висков, длинными ресницами, и в то же время их выражение заставляет покрываться мурашками и судорожно втягивать воздух. А бледно-голубой цвет завораживает и в то же время отталкивает из-за холода, которым от него веет.

– И? Что ты еще говорила. Повтори.

– Так… ничего особенного. Отпустите меня. Что плохого я вам сделала? Я пошутила ведь.

Я перевела взгляд на мясо, и в животе громко заурчало. Стало стыдно и захотелось провалиться сквозь землю. Но он даже не обратил внимание. Промокнул губы салфеткой и отпил вино.

– Ты фамилии и имена назвала. Знакомые мне фамилии и имена. Ты ведь зачем-то все это сказала. С какой целью? Кто ты такая?

– Я… Назарова Есения, и вы… вы знали моих родителей.

Даже бровью не повел, продолжил резать мясо, отправил небольшой кусок в рот и снова посмотрел на меня.

– Вряд ли я знал именно твоих родителей. Но мне интересно – откуда появилась… эм… версия о нашем близком знакомстве у… тебя.

Уголок его рта чуть приподнялся в презрительной слабой усмешке, и я сглотнула слюну, посмотрев в очередной раз на его тарелку.

– Я есть хочу. Может, сначала покормите меня? Вы ведь не разоритесь… а я вам очень благодарна буду.

Прищурился и внимательно на меня посмотрел. Потом подозвал официанта.

– Принеси ей… Что принести, м?

Я не знала. Понятия не имела, что вообще можно заказывать в ресторанах.

– То, что у вас. И салат какой-нибудь. А еще хлеб и торт

хочу. Не важно какой, но чтоб крема много было и шоколада. И… и мороженое.

Официант перевел взгляд на Барского, и тот едва заметно кивнул.

– Ну. Я весь во внимании.

– Сначала хавчик, потом все остальное.

Захар потер подбородок и отправил в рот кусок мяса, рассматривая меня, как мерзкое насекомое, словно раздумывая – придавить и размазать или дать бежать дальше.

Прожевал мясо очень тщательно, запил вином. Он даже ест красиво. Весь чистый, лощенный, как с обложки журнала. Я такая убогая по сравнению с ним, облезлая, грязная и страшная. Спрятала ногти, сжав руки в кулаки. Если бы он не лишил меня всего и не уничтожил моих родителей, я была бы как с картинки и покрасивее, чем он. Наверное. Это все его вина. Волка этого матерого.

Мне принесли еду, и от восторга я заерзала на стуле, живот издал несколько ужасных звуков, от которых всю физиономию залило краской. Но я видела только мясо и кружочки картошки рядом. Набросилась жадно, глотая большими кусками, давясь и не зная, что первым откусить и отправить в рот.

– Откуда узнала про Сергея и Людмилу? В интернете прочла?

Я шумно выдохнула.

– Нет. Не в интернете! Они мои родители… ясно?! Я не

лгу! Даже больше – я знаю, что вы были друзьями! И мои родители были очень богатыми людьми, вы вместе вели бизнес… а теперь он стал только вашим!

Приподнял одну бровь и откинулся на спинку стула, чуть склонил голову вбок. Какой же он холодный, страшный, равнодушный. И в то же время каждое движение завораживает, все в нем какое-то идеальное, мощное, сильное до сумасшествия, и я эту силу ощущаю вибрацией в воздухе. Официант тут же появился с чашкой и дымящимся чайничком, под рукой газета. Убрал тарелку, поставил чайник и положил газету перед Барским. Поставил пепельницу.

– Допустим, ты не лжешь. И как ты это докажешь? Документы, свидетельство о рождении, фотографии?

Ничего этого у меня не было. Более того, я даже не знала, как выглядели мои родители.

– Надо будет – покажу и документы, и фотографии.

Солгала я и с наслаждением проглотила картошку. Боже-ее, я такое никогда не ела. Или ела, но очень давно.

– И откуда ты взялась? Живешь где?

Вот прям щас я тебе все и рассказала. Потом ты меня выследишь и прибьешь.

– У тетки живу, – ответила с полным ртом, потянулась за стаканом с соком, – на окраине города. В школу хочу и буду в институт поступать на дизайнера.

Взгляд Барского стал вдруг злым и очень колючим, я даже невольно поежилась.

– И чего же ты хочешь, Есения Назарова?

– Денег, – заявила я и посмотрела на него, сунула в рот картошку, кусок хлеба, – а не то я всем расскажу про вас и моих родителей, как вы их…

В эту секунду моя тарелка была отнята, он швырнул ее на соседний стол.

– Встала и пошла отсюда!

Очень спокойно, но взгляд полосует по нервам так, что у меня дух захватило и стало настолько жутко, что я подавилась едой.

– Что? …

– Вон пошла, я сказал, пока тебе ноги не переломали и язык за вранье не отрезали.

Но я с места сдвинуться не могла. Его реакция была неожиданной настолько что меня опять начало трясти от страха. Тут же появились его охранники.

– Увези ее отсюда. На площади выбросишь, где взял.

– Как на площади?… Почему?

Он больше на меня не смотрел, взял газету. Официант тут же налил из чайника чай.

– Я все расскажу… ясно? Что вы меня выкрали и приставали, денег предлагали.

– Я передумал. – отпил чай, аккуратно поставил чашечку на блюдце. – Вези ее в лес, отрежь ей язык и брось ее там.

У меня глаза от ужаса расширились и в горле пересохло.

– Нет-нет… я пошутила. Не надо. Никому ничего не ска-

жу. Правда. Ой, не надо. Вы же не звери?

Охранник схватил за шиворот опять и потащил к выходу.

– Не надооо. Я пошутила. Пожалуйста… вы же добрый, вы же детям помогаете. За чтооо? Я всего лишь пошутила.

Но меня никто не слушал. Барский погрузился в чтение, а боров тащил меня, как мешок, к машине. Я начала пинаться, орать, как резаная, пытаясь вырваться.

– Угомонись, не то пришибу! – рыкнул красномордый и запихал меня в машину. Уже в другую. С затемненными стеклами.

Там я просидела довольно долго, пока Барский не вышел из шашлычной и не направился к нашей машине. Сел на переднее сиденье и махнул рукой. Джип сорвался с места, заиграла музыка. Очень спокойная. Старая какая-то. Эпохи динозавров.

Черт, ну вот почему со мной всегда именно так, а? Всегда через задницу. Я же только что ела самое вкуснейшее блюдо в своей жизни и, кажется, контролировала ситуацию, а потом вдруг он, как маньяк, на меня вытаращился и вышвырнул… а вдруг, и правда, язык отрежут? Пока ехали, я ерзала туда-сюда, то в окно выглядывала, то умоляюще на красномордого смотрела.

– Отпустите меня, я, правда, молчать буду. Ну пожалуйстааа. Нет у меня никакой тетки, с детдома я. Такую оборванку слушать никто не станет, тем более воровку. Я всего лишь пожрать хотела. И ничего больше. Божеее, неужели за

это вы меня убьете?

На меня не обращали внимание, и от этого игнора мне хотелось орать и биться в истерике. Потом увидела, как машина остановилась на площади, и шумно выдохнула. Меня вышвырнули возле обочины, и я больно ударилась задом об асфальт.

– Язык отрезал, как же! Кишка тонка! Трусливая тварь! Урод жадный! Сволочь! Убийца!

Окно приоткрылось, и я как всегда дернулась от этого невыносимо-ледяного взгляда.

– Увижу тебя еще раз – останешься без языка точно, усекла?

Красномордый осклабился и провел большим пальцем по шее, а Барский уже говорил по сотовому, совершенно забыв обо мне.

Я плюнула им вдогонку несколько раз, хотела встать с асфальта, как почувствовала на затылке чью-то лапу. Меня рывком приподняли и пару раз тряхнули.

– А вот и рыжая сучка! Ну что, попалась?

Твою ж мать. А он здесь откуда взялся, колобок этот в форме и в жилетке? Только его мне сейчас и не хватало.

– Попалась-попалась!

И пнула его ногой по сахарной косточке, потом укусила за щеку, и едва он с воплем разжал свои грабли, дала деру, что есть мочи. Сегодня я в ментовку не поеду, меня и так выдерут за то, что смылась. Ну, зато хоть вкусно перекусила. А с

Барским я еще разберусь. Немного подрасту и все узнаю про него и родителей. Ему ведь стало интересно… я это видела. Не просто так меня в ту шашлычную приволок. Далеко я все же не убежала, у Колобка была машина с мигалками и два напарника, и они быстро меня догнали. Пока били ногами по лицу, я голову прикрывала и тихо поскуливала.

– Дрянь проклятая, выбл***к малолетний, я ж тебе все почки отобью, сука ты ободранная!

– Тихо-тихо, Палыч, зашибешь ее!

– Так она мне полщеки чуть не откусила. Псина дикая. В машину ее. И кроме кошелька, сумку с вокзала на нее повесь и барсетку с рынка. Дело заводи. Она у меня еще попляшет, прошмандовка вонючая!

Я прикусила губу и зажмурилась. Ну вот и все. Мне конец. Либо в колонию отправят, либо Степановна потом живого места на мне не оставит. Наверное, лучше все же второе… я потерпела бы. В колонию нельзя. Никак нельзя. Оттуда людьми уже не возвращаются.

Глава 3

На свете нет ничего совершенно ошибочного.

Даже сломанные часы дважды в сутки показывают точное время.

© Пауло Коэльо

– Захар Аркадьевич, там Болотников приехал, привез новые чертежи, говорит, это срочно.

Я поднял руку, и мой секретарь тут же удалился. Да, я не держал у себя секретарш. Мне нужен был работник. Не стюардесса, не фотомодель и не старая дева, которая отпугивает посетителей и партнеров, а именно работник-мужчина с аналитическим складом ума, целеустремленный, преданный, который не раздвинет ноги перед конкурентами, не попытается их раздвинуть передо мной, а будет всецело занят своей работой и карьерным ростом. Прошли те времена, когда мне таскали кофе девочки в обтягивающих юбочках с призывным блеском в глазах. Если мне потребуются услуги такого рода, я знаю, куда позвонить, и у меня будет и секретарша, и стюардесса, и кошка, и мышка, да кто угодно. Впрочем, это тоже мало интересовало, да и статус особо не позволял. У меня было две-три женщины, которые рады меня видеть в любое время суток по предварительному звонку.

Нет. Не любовницы, а именно женщины. Свободные в своих решениях, самодостаточные и не нуждающиеся в спонсорах. Продажная любовь меня не привлекала с тех пор, как у меня появился первый авиазавод, и все женские особи начали мечтать оказаться в моих объятиях и подо мной в надежде на перспективные отношения, несмотря на то что я был глубоко женат. Меня же мимолетные связи уже не возбуждали. Я вырос.

Поднес сигару к лицу, втянул запах табака и положил ее обратно на стол. Черт… Не могу сосредоточиться на работе. Захлопнул крышку ноутбука и встал из-за стола, подошел к окну, отодвинул горизонтальные жалюзи и посмотрел на желто-багряные деревья и смерчи из листьев, кружащиеся по парку. Окно было закрыто, но я ощутил запах осени и сожженных листьев, настолько отчетливо, что у меня запершило в горле, хотя внизу не было ни одного костра. Но запахи не обязательно нужно чувствовать, они живут у нас в голове.

Примерно так же пахло, когда я увидел Милу в первый раз. У нее были длинные каштановые волосы, тонкие черты лица и пронзительные глаза медового цвета. Отец был еще жив и помирать не собирался. Никто и не думал, что ему осталось всего ничего. Так как он умудрился жениться перед самой смертью на девчонке моложе его лет на пятьдесят и при этом даже не скрывал, как часто ее трахает. Мне было плевать, лишь бы не во вред здоровью. А он выглядел здоровым, как бык, в свои шестьдесят с небольшим и вел биз-

нес так, что конкуренты оставались далеко позади него, и я считал его самым умным, хитрым и подлым засранцем. Мать умерла почти сразу после моего рождения, поэтому каких-то ревностей и проблем по поводу его личной жизни у меня не возникало. После его смерти моя молодая мачеха прихватила себе все, что нашла в доме, и укатила в неизвестном направлении. Но это было потом.

А тогда… тогда учился и учился неплохо, потому что хотел понимать, чем занимается отец, а он таскал меня с собой на завод, когда тот еще почти не приносил прибыли, и я знал о самолетах все, что вообще может знать маленький ребенок. Он мной гордился… до поры до времени, пока у меня не взбесились гормоны, и длинные ножки, попы и груди на какое-то время не затмили крылья, фюзеляжи, вертикальное оперение, грузоподъемность, и я не ушел в долгие загулы с выпивкой, ночевками не дома и транжирство его денег вместе со своим другом Сергеем. Дружили мы еще со школы. У него не было отца, а мать изо всех сил тянула его одного, пока в один прекрасный день сама не протянула ноги. Назарова хотели отправить в интернат, но я заплатил денег одной очень ушлой тетеньке, и она оформила опекунство. У меня уже тогда мозги прекрасно работали, и всегда добивался всего, чего хотел. Мы сняли квартиру и творили там полный беспредел.

Через несколько лет отец выгнал меня к черту из дома и лишил карманных расходов, за которые жила вся моя ком-

пания. Он считал это верным педагогическим моментом, а я решил, что у меня будет свой авиазавод и без него. Свои самолеты. И они будут носить мое имя. Я обойду его на рынке и подомну под себя. Мы с Назаровым как раз обдумывали одну комбинацию, которую потом с успехом и провернули. Точнее, я провернул.

Женился на Светлане, ее отец заказал у меня сразу три проекта, а я решил, что пожизненные заказы мне не помешают. Светлана могла стать прекрасной женой. И я ей нравился. Мы к тому времени еще не купили свой первый завод, и я сидел над усовершенствованием старых отцовских моделей. Назаров мотался и улаживал куплю-продажу, пытался протолкнуть мои проекты. Пока что у нас не было заказов. Кому нужны отечественные самолеты? А мы хотели на международный рынок. Я тогда сидел над чертежами сутками до вылезших из орбит глаз и нервного тика. Мне нужно было создать нечто, не имеющее на тот момент аналогов, но для этого были нужны деньги. У отца я просить не собирался. У Сазонова были миллионы, как и дочка, которая смотрела на меня, чуть приоткрыв ротик, и отдалась мне, едва я залез к ней в трусики. Она оказалась девственницей. Ее папенька был глубоко против, а я слишком хотел добиться своих целей, и поэтому мы сообщили Сазонову о том, что его дочь на пятом месяце беременности. У старого жадного козла не было выбора, и мы поженились. Света родила мне сына, а ее отец подарил нам новый дом. Но я хотел сам покупать дома,

машины, самолеты! Сам! Мне не нужны были его подачки и его контракты, по которым он выкупал мои чертежи и ни черта с этим не делал. Я так же не собирался идти на поклон к отцу, с которым мы к тому моменту несколько лет не разговаривали. И мы с Серым стремились все же вытолкнуть мои модели за рубеж.

Милу увидел на студенческой вечеринке, мне нужны были свежие идеи, и я просматривал проекты студентов с целью найти что-то интересное. Жена считала, что я в командировке, а я в то время еще не перерос ноги, груди и попы. Нет, я любил Свету и своего сына. Так, как полагалось их любить, но моя личная жизнь и они никак внутри меня не пересекались. Я еще был желторотым придурком… Мне пришлось повзрослеть неожиданно и больно. Мне пришлось стать тем, кто я есть сейчас. Да и я думаю, я был таким всегда, просто я еще не знал, что умею выкручивать конкурентам руки, убирать неугодных мне людей, затыкать слишком болтливые рты и получать все, что я хочу. Никто этого не знал. Даже мой друг Сергей. Но мы с ним узнали. Оба. И оба ужаснулись.

***

Она сидела в стороне и читала книгу. Все пили, веселились, танцевали, а она читала. Я подошел к ней с бокалом вина и предложил выпить, а она отказалась. Мне тогда понра-

вилась ее маленькая грудь без лифчика под красивым летним платьем и эти глаза медового цвета. Мне захотелось ее трахнуть, пока она будет читать свою книжку. И я трахнул уже под утро, когда она все же выпила предостаточно вина вместе со мной, и мы ушли встречать рассвет на крыше. Она читала вслух какую-то классику, а я стягивал с нее трусики и быстро расстегивал ширинку. Помню, как двигался в ней мощными толчками, а она раскинула руки и широко распахнув глаза, смотрела в небо и кричала «я лечу… мне хорошоооо… я лечу». Утром она мне дала свой номер телефона и попросила позвонить ей… долго смотрела мне в глаза светло-коричневыми огромными очами, поцеловала несколько раз в губы.

– Конечно, позвоню, детка.

– Не называй меня – детка. У меня есть имя.

– Конечно, детка.

А потом я забыл ей позвонить, вообще забыл, как ее зовут. Чуть позже меня с ней познакомил Сергей и заявил, что женится. Неожиданно, но я особо не страдал. И никогда бы не подумал, что она могла страдать. Мила, да, тогда я узнал ее имя, Мила ни разу не напомнила о том, что было. Она была хорошей женой Сергею. Мы отмечали семейные праздники, она дружила со Светой и проводила с ней много времени, когда мы ждали нашего второго ребенка.

Мне сообщили, что умер отец, как раз, когда я наконец-то продал свой проект, и его выкупили за границей. Выкупили

за бешеную сумму денег. Это был наш успех. Первый шаг на пути к нему. Я продал свой проект и одновременно стал единственным наследником своего отца… а точнее, его долгов, которые он наделал в стремлении оживить былое имя и создать что-то новое и стоящее.

Я не знаю, почему позвонил ей, позвонил, пока Сергей был в отъезде. Она приехала ночью в гостиницу. Долго сидела со мной, пока я напивался и курил до тошноты и звезд перед глазами, под утро я очнулся с ней в одной постели. Это был паршивый поступок, и черт его знает, как это случилось. Я точно ни черта не помнил, но она все помнила прекрасно. Утром обхватила мое лицо ладонями и быстро заговорила:

– Молчи, Захар. Молчи, ради Бога, не убивай меня снова. Один раз. Я больше никогда. Не напомню. Считай, что приснилось. Я тогда ждала, что позвонишь… очень ждала, рыдала по ночам. Ходила за тобой. Сергей меня домой подвез от твоего дома. Я тебя…

– А теперь молчи ты. Уходи, Мила. Все, что здесь сейчас произошло, такое… такое дерьмо. Ты понимаешь, какое это дерьмо? Уходи, мать твою! Как ты… что за… Все! Чееерт! Давай, тебе пора.

Она сдержала слово и не напоминала, никогда.

Потом у них родилась дочь.

Через пять лет мы уже выкупили второй по счету завод, выпустили наш первый самолет, его выкупила английская авиакомпания и сделала заказ еще на несколько моделей. Ко-

гда мой самолет сделал свой первый круг по небу, я рыдал, как ребенок. Какие-то несколько месяцев мы пребывали в эйфории. Мой тесть позвал меня к себе и долго тряс мою руку, и расписывал, как гордится мной. Старый черт, назвавший меня никчемным идиотом, который никогда не создаст ничего круче модельки аэроплана на ручном пульте управления и никогда не расплатится с долгами отца.

Когда я готовил к продаже новейшую модель, над которой работали несколько проектировщиков, меня ожидал удар, от которого я оправился не сразу. На презентации я увидел свою модель, новейшую модель у ирландца, который предлагал мне работать над проектом вместе. Стать партнерами. Какая-то сука продала ему чертежи. Мы остались без контракта. А я уже внес залог за разработку нового проекта… Именно тогда Сергей сообщил мне, что хочет работать отдельно. Что у него свои идеи, свои чертежи. Он хочет попробовать.

Не знаю, зачем я вскрыл его ноутбук, точнее, зачем заплатил, чтоб это сделали для меня…

Я помню, как Мила плакала в моем кабинете, плакала и говорила, говорила, а я чувствовал, как у меня грудину разрывает, раскрывается она, и оттуда черви лезут, копошатся там внутри, где гнилая ложь и лицемерие жили годами. Она просила в память о годах дружбы дать ему уехать… Я дал.

***

Отошел от окна, открыл бар, достал скотч, налил себе в бокал на донышке, отпил маленькими глотками. В голове нарастала пульсация, сдавливая ее железным обручем. Чертова малолетняя, лживая дрянь. Заставила все вспомнить. Третий день не могу ни о чем думать, только о ней. Врет ведь. Я сам лично тела опознавал. Трое их там было. Она, он и ребенок. То, что осталось от них. Он должен был лететь в Бельгию один. Без них. Так она мне говорила.

Снова мысленно представил лицо той оборванки с рыжими, всклокоченными патлами и веснушчатой физиономией. Я не ходил к ним в гости после рождения ребенка. Серый перевез их в Словакию, там Миле и ребенку климат подходил. Так он говорил, а мне было все равно, если честно. Я тоже не особо хотел видеть его жену. Мы не любим, когда что-то напоминает нам о собственных подлых поступках, мы любим о них забывать и убирать с глаз подальше все, что так или иначе с ними связано. Один раз я был у них в доме до отъезда, когда Мила только родила. Я тогда ее в углу зажал и за горло сдавил.

– Чья?

– Не твоя. Его. Я точно знаю. Нет в ней ничего твоего.

– Славно. Поздравляю.

Какой она была – рыжей, черной, зеленой, не видел я ее. Пересылками милых семейных фото мы не занимались. Один раз он показывал фото дочери на каком-то лыжном ку-

рорте. Кажется, эта фотография осталась у Светы в альбоме. Надо потом посмотреть. Черт! Откуда эта малолетка узнала о Сергее и Миле? Нагуглила, или кто-то рассказал. Но кто? Кому это надо?

Так, все. К черту. Надо ехать домой, у сына завтра День рождения, и Света просила съездить с ней забрать подарок.

Но домой не хотелось. В голове вертелись одни и те же мысли. Они навязчиво мешали мне жить все эти дни. Обычно сбросить напряжение помогал секс. Подумал о рыхлом теле жены, потом о Лизе, и нигде даже не прострелило.

Я набрал Костю:

– Найди мне кого-то. Не из дорогих. Помоложе выбери, чтоб с темными волосами. В гостиницу привези.

От мысли о грязном сексе с ночной бабочкой в паху прострелило. Лет двадцать с такими ночи не проводил… а сейчас захотел чего-то животного, дикого.

Глава 4

Везение – это вообще не про меня, если бы я играла в фильмах, то мой был бы про тридцать три несчастья. Баба Дуся, когда мне ссадины зеленкой или йодом мазала, всегда говорила, что я – ходячая неприятность. Потом пирожками с капустой кормила.

– Забрала б я тебя к себе… да живу я в полуподвале, там только одна кровать и тумба. Не дадут мне тебя удочерить. – и плачет, а от нее водкой воняет. И понимаю я, что не от сладкой жизни. Говорили, что дети ее из своей квартиры выселили. Она на них все переписала, а они продали ее и уехали за границу. Баба Дуся одна осталась. Вот мне таких убивать хотелось… я б все отдала, чтоб моя мама жива была, я б ее на руках носила и ноги ей мыла сама. Кушать ей готовила.

Но в тот день я вот решила, что мне впервые повезло. Оно, и правда, так выглядело. Колобок и два его придурка-шестерки перед тем, как меня отвезти в участок, куда-то поехали. Далеко поехали, за город куда-то. Они еще думали – сначала меня определить или съездить. Но решили все же ехать. Меня трясло на ухабах, и я билась головой о стекло, но это все было хренью по сравнению с тем, что все мое тело ломило и кости, казалось, все были сломаны. Они приехали в какой-то частный сектор, меня оставили в машине с

каким-то желторотым придурком, а тот отошел отлить. Конечно, я не собиралась ждать, пока он вернется, я осторожно приоткрыла дверцу и выкатилась из машины в мокрую траву. Потом я бежала сквозь посадку, падала в грязюку, стонала от боли в ребрах, но бежала, что есть мочи. Недаром я всегда первая по бегу была. Жирдяю и его дебилам меня не догнать. Только беда в том, что и я не знала, где мы и куда идти. Как вернуться обратно в город. Добиралась я назад больше двух дней. От голода меня шатало и мутнело перед глазами. Забрела на какой-то базар, на автомате украла кусок жареной курицы в какой-то забегаловке, за мной гнались с три кавказца и грозились разодрать на куски, и пожарить на том вертеле. Но я удрала. Потом делила эту курицу и два дня ее ела. Пока блуждала по дорогам и пригороду, чуть другим ментам не попалась. Заночевала во дворе какого-то склада, только под утро увидела, что склад три собаки охраняют. От страха чуть не обделалась, но спас последний кусок курицы. Меня не тронули.

На третий день выбежала я куда-то к новостройкам. Район этот уже знала, в моем городе не было ни одного района, который был бы мне неизвестен. Я столько раз сбегала, что успела изучить каждый закоулок. Если идти пешком через новые пустые дома, я выйду недалеко от метро, потом можно на трамвае и к вокзалу, а там можно и переночевать между киосками, картонками обложиться, и будет не так уж и плохо, а еще там жрачку найти можно на ура. Мы здесь со

Славкой ночевали незадолго до его смерти. Наелись от пуза. При мысли о друге на глаза навернулись слезы, но я их зло проглотила. В голове его голос зазвучал:

«Чего сопли распустила, рыжая? Я все вижу. Не реви».

Славка умер от воспаления легких. В нашем лазарете считали вначале, что он симулирует боли в груди, потом, что у него вирус, а когда он начал задыхаться и бредить от температуры, его забрали в инфекционку. Оттуда он уже не вернулся.

С того дня я ненавижу врачей. Я Андрею Всеславовичу, хмырю этому, уроду старому всю тачку исцарапала и колеса спустила. Если б могла, убила б его за то, что Славку вот так.

Бежать уже было больно. Я выбилась из сил. Но если сейчас где-то присяду, я вырублюсь от усталости и ночью замерзну либо менты найдут. Надо идти к вокзалу и там уже расслабляться.

Где-то глубоко ночью, шатаясь, я добралась до первых железнодорожных путей, потом нашла какую-то будку с газетами, натаскала картонок и зарылась под ними. Что делать дальше, я решу завтра. Но в детдом точно нельзя. Не сейчас. Колобок проклятый меня точно там искать будет.

Ну что, Сенька, добилась правды? Нашла Барского? Вот теперь сиди на вокзале и дохни с голода, а в детдоме на ужин дадут манную кашу с комками. Я ее ненавидела, но сейчас я бы не отказалась даже от нее. Прикрыла глаза, вспоминая, как первый раз узнала, кто я. Письмо мне пришло от Ари-

ны Афанасьевны Матешкиной. Конечно, я потом писала ей, и оказалось, что такой нет и не было никогда. Я даже искала ее в справочном и в библиотеку бегала, чтоб в интернете найти. Когда вскрыла письмо, там оказались вырезки из газеты о гибели самолета с Назаровыми и адрес электронной почты, на которую я должна зайти. И больше ничего. Позже мне присылали фото Барского с мужчиной, которого звали Сергей Кириллович Назаров. Конечно, идиоткой я не была. Дважды два сложила. Я писала на мейлы, с которых мне приходили фото и письма, но мои послания всегда возвращались. Отправитель слал их с разных мейлов, которые потом удалял. Когда я спросила – почему я? В самолете погиб также и ребенок, мне прислали очередное фото с Назаровым, красивой темноволосой женщиной и ребенком. Он держал на руках рыжеволосую девочку с двумя родинками на правом плече. Я сдернула футболку с плеча и уставилась на свои две симметричные родинки. Они были точно такими же, как и на фото.

Следующие фото опять были с Барским и моим отцом на открытии авиазавода, потом возле самолета, на крыле которого выведен логотип «Барназ». Потом на банкетах, где они вместе. А последнее фото – Барский один улыбается возле огромного самолета, и на крыле только три буквы «Б.А.Р»

И приписка от моего отправителя: «Он уничтожил твою семью и забрал все себе. Присвоил дело твоего отца, назвал своим именем и жирует. Твой отец хотел уехать, хотел ра-

ботать сам… и сразу после этого самолет, изготовленный на заводе Барского, потерпел крушение. Ты ведь умная. Ты все поняла? Убийцу надо уничтожить. Я пришлю еще доказательства. А ты думай. Дочь Назарова имеет право на половину доходов Барского, если найдет способ получить все, что ей причитается».

И все. И больше ни одного письма в течение года. За этот год я жадно изучала все, что касалось Назаровых и Барского. Но ничего не находила. Все словно уничтожили, почистили, стерли. И я все больше убеждалась в том, что Барский убил моих родителей, чтобы забрать все миллионы себе… Только, как я выжила? И почему я ничего не помню?

Я уснула… и мне снилось, как покупаю пистолет и захожу в кабинет Барского. Направляя ему в грудь, нажимаю на курок… И… мне вдруг становится невыносимо больно в груди. Пистолет отчего-то выстрелил в меня, а не в него. И боль не стихает, меня как будто бьет в грудь…

– Эй, ты! Открывай глаза, чудо!

Я распахнула глаза, дернувшись всем телом. Передо мной стояли две телки в коротких юбках и кожаных куртках. От них пахло какими-то ядовитыми духами, и они пинали меня сапогами в грудь.

– Че! Охренели, сучки?

Я подскочила и протерла глаза кулаками.

– Ты глянь, оно еще и огрызается. Пупс будет в ауте. Ты, давай вставай. С нами пойдешь.

– Еще чего.

Осмотрелась по сторонам, потом на двух шлюх взгляд перевела.

– За место платить надо. Думала, даром тут свои булки раскинула? Ты теперь Пупсу сто баксов торчишь!

– Кому? Сколько?

Я еще со сна понять не могла, что они от меня хотят. Я ужасно замерзла, и зуб на зуб не попадал. Рывком встала на ноги, поморщившись от боли.

– Какие сто баксов? Я только прилегла. Все, пошла я. Отвалите!

– Пошла она, ты смотри.

Белобрысая, явно в парике, заржала и пнула меня в плечо. Я тут же накинулась на нее. Ну не было у меня сантиментов, и не готовила я никого, не угрожала – я била. Меня так приучила улица. Иначе не выжить. Но я переоценила свои силы, слишком голодная, избитая, уставшая. Она меня на асфальт свалила, я впилась пальцами ей в физиономию, раздирая щеку, и она истошно завопила.

– Отстань, не то я тебе глотку зубами перегрызу.

И перегрызу, даже если насмерть забивать будут. Вторая девка свистнула, и я обернулась назад, увидев двух мужиков, пнула белобрысую коленом в живот, чтоб слезла с меня.

– А это мальчики Пупсика. Сейчас тебе, сучка, зубы повыбивают.

– Что за кипеш тут? Че орете? Охренели?

Один схватил меня за шиворот и оттянул от белобрысой, а потом грязно выматерился, увидев ее физиономию.

– Твою ж мать!

– Чтоо? Сильно? Ах ты, бл**ина такая! Ты что сделала. Тварь?!… Я тебя убью!

Но мужик тряхнул меня, не давая той наброситься с кулаками.

– Каролина, она тебе щеку разодрала.

– Вот сучка. Пусть теперь за меня работает, тварина!

Мужик посмотрел на меня и заржал.

– И кто ее возьмет? Она ж вонючая, облезлая. На хер она нужна.

– Может, и нужна, – сказал второй и прикурил сигарету, – у нас все бабы потасканные. А это – свежее мясцо.

– Вы чего? Я просто спала. – запричитала я. – Зачем я вам? Нет у меня сто баксов, нету и десяти копеек.

– Ниче. Заработает. – прошипела белобрысая, промокая лицо влажной салфеткой. – У нас тоже не было. Отмыть, накрасить, и будет старых козлов ублажать. Пупсу она понравится, и нам отстегнет за нее. Мы с тобой поделимся, или я расплачусь.

Она подмигнула Квадратному. Ну вот и все, я опять попала в какую-то хрень. Куда меня вляпало снова. Чееерт, от них так просто не сбежать. Что же делать?

– Пошли, костлявая, найдем тебе применение. Вернешь бабло за ночлежку, и отпустим.

– Какое бабло? Вы охренели? Нет у меня бабла.

– А она борзая. Эй, зубы нужны? Я могу и выбить. Лучше сосать будешь.

Он оскалился, а две сучки заржали. Мне стало страшно… я вдруг поняла, зачем я им и что они хотят заставить меня делать. Наши иногда сбегали на заработки… две потом не вернулись, нам так и не рассказали, что с ними. А остальные… Одной аборт делали, а вторая от какой-то гадости лечилась, от нее еще все шарахались.

– Нет. Не надо. Я просто уйду. Меня ищут, ясно? Найдут и ноги вам поломают.

– Ищут ее! Ты – шавка детдомовская, я такое за версту чую. Кому ты на хер нужна? Никто тебя не ищет.

– Все, хватит болтать. Покажем ее Пупсу, он решит, что с ней делать.

У одного из них зазвонил сотовый, он ответил, отходя в сторону, а второй меня тут же перехватил также за шкирку.

– И где я тебе сейчас посреди ночи шлюху свежую и молодую найду? Они что у меня, как на огороде растут? Мои сегодня все за тридцатку. Я понимаю. И что? Сколько? Бл*дь, не, ну предупреждать надо. Я б, может, днем бы нашел какую-нибудь дуру деревенскую. А щас где я тебе откопаю нимфетку еще и с темными волосами? А глаза зеленые и целку не надо?

Та, что в белом парике, пнула Квадратного в бок и кивнула на меня, но он поморщился.

– Я ее отмою, накрашу, и будет девочка с картинки. Шмотки Лолитки остались. А ты со мной поделишься бабосиками… м… Лех?

Он прикрыл сотовый лапой и снова меня с ног до головы осмотрел. Потом перевел взгляд на белобрысую и ответил в трубку:

– Будет тебе девка. Когда надо? Окей, скажи, чтоб забрал, как всегда, с нашего места, и деньги с него на карту Пупсу вперед. И что, что клиент важная птица… ну а мне то что. Нае**т, а я потом натурой Пупсу платить буду? Меня на прошлой неделе подставил сынок ментяры нашего, двух заказал и заплатил, как за чашку кофе. Ладно. На твою ответственность. Через час девку заберешь.

Посмотрел на меня и ухмыльнулся.

– Расплатишься с Лялькой и с Пупсом за ночлежку и можешь валить на хер. Поняла?

Ничего я не поняла, я лихорадочно оглядывалась по сторонам, то на одного смотрела, то на другого.

– Я же… не… я же.

– Что ты?

– Мне пятнадцать всего.

Он исподлобья на белобрысую зыркнул.

– Я ее так размалюю, что на все двадцать потянет. Таблеточку ей дадим, и все будет ништяк. Поехали. Пупсик будет рад.

– Ну ты и сука, Валька, – сказала вторая темноволосая и

сплюнула жвачку себе под ноги.

– Че я сука? Кручусь, как могу.

– Она ж ребенок совсем.

– Я тоже ребенком была, когда меня отчим натягивал, а мамаша водяру глушила в соседней комнате, и ниче, пережила. А этой еще и денег дадут.

В эту секунду я дернулась в руках Квадратного, пнула его локтем в живот и заорала, что есть мочи:

– Спаситеееее!

И тут же почувствовала удар в солнечное сплетение, присела на колени, пытаясь отдышаться.

– В следующий раз заорешь, ножичком разукрашу и в речку брошу. Как думаешь, когда найдут – опознают?

– Пошел на х**

Подхватил за волосы и рывком на ноги поставил.

– Выбирай: или отработаешь, или сейчас тебя прямо здесь разложим, а потом на корм рыбам или под рельсы.

– Отработаю, – всхлипнула я, – отпустииии.

Отшвырнул меня от себя, и вторая девка меня за талию обняла, помогая подняться, и повела к машине.

– Ты Лехану не огрызайся… он чокнутый, прирезать может. Отработаешь и пойдёшь себе… а может, у нас останешься. Пупс своих не обижает. И пожрать будет, и где переночевать, а еще… порошочек, таблеточки, ну сама понимаешь, все для настроения.

Нет, я не понимала. У меня впервые от страха по щекам

слезы катились.

Глава 5

Они наряжали меня, как рождественскую елку, а я думала о том, что скорее перегрызу глотку тому уроду, что меня собрался купить, чем позволю себя тронуть. Надо было в участок ехать. Лучше в колонию, чем под какого-то ублюдка в пятнадцать лет и за деньги. Нет, я не была романтичной. Во мне вообще романтика отсутствовала напрочь, но я не собиралась себя продавать. Лучше жрать баланду, чем раздвигать ноги, как эти шлюхи. Я другой жизни хочу. Я клялась себе, что выгрызу ее, эту другую жизнь, мне не будут делать аборты, как тем дурам, что искали себе домашних мальчиков и надеялись, что их приютит какой-то богатенький Буратино. Да, мы в пятнадцать и не такое видели и знали. Я тоже видела. Улица многое показывает и учит. Мы все это лет с десяти знаем, а то и раньше. Знаем, как можно быстро денег заработать помимо воровства. Только за воровство больше уважали, а к шлюшкам плохо относились, могли избить и забрать все, особенно если не делилась натраханным.

Пока белобрысая закрашивала синяк у меня на лице, я смотрела в зеркало и кусала щеку изнутри, сильно кусала, до крови. Ничего, дайте мне только выйти отсюда. Когда-нибудь я вас, сучек, найду и патлы вам повыдираю.

– Ну вот. Похожа на человека. Парик натянуть, и нормаль-

но. Тащи парик, Светик. Рыжую, костлявую оглоблю на бабу похожую сделала.

– На тебя, ты хотела сказать?

– Заткнись! Тебе до меня…

– Да прости, Господи… упаси меня убогую.

Они натянули мне на голову вонючие волосы. И меня передернуло от гадливости. Черт его знает, после кого эти патлы и шмотки грязные, я, конечно, не особо чистая, но эти две лохудры дали мне хоть ополоснуться в своей коморке обшарпанной.

– Все. Уводи ее. Готово.

– А порошочек ей дашь? – спросила Светик. – Витек же давал тебе, я видела.

– Хрена ей, а не порошочка. И так отработает, на сухую.

– А мне… со мной поделишься?

– С тобой поделюсь, если перестанешь языком чесать. Все, уводи эту дрянь мелкую.

Квадратный и его дружок подхватили меня под руки и потащили на улицу. Я тут же ощутила, как стало зверски холодно ногам в капроновых чулках и почти голой попе, а под короткий топ и дутую белую куртку тут же забился холодный воздух, и по моему телу расползлись мурашки. Уроды затолкали меня в машину на заднее сиденье и сели по обе стороны. Тот, с щетиной, осклабился и сдавил мою коленку.

– А ты ничего, рыжая, вот отработаешь с клиентом, я потом тебя…. отогрею. Ммм, Витек, отогреем рыженькую?

Смотри, какие ножки и тельце, не такая уж она и худющая. Тебе, правда, пятнадцать? Сисястая какая.

Потянул руку к моей груди, шевеля мерзко пальцами.

– Правда. Тронешь, я тебе пальцы зубами отгрызу!

Они расхохотались, а потом он схватил меня за затылок и наклонил вперед.

– Язык отрежу, и молчать всю жизнь будешь, ясно? Слушай внимательно, сучка. Сейчас тебя Витек в машину к одному хрену посадит. Ты с ним поедешь, после того, как отработаешь, можешь валить на все четыре стороны. Но если хочешь… вот визитка моя. В карман положил. Позвони и будешь в шоколаде, ясно?

– Да пошел ты. Лучше под рельсы.

– Не болтай. А то под рельсами окажешься намного быстрее, чем думаешь.

Он пнул меня в затылок, и я клюнула носом в колени. Чем ближе приближались, тем сильнее становилось страшно, дрожали ноги и сердце колотилось где-то в самом горле.

– Не дури, мелкая, не дай бог дернешься, я тебе все ноги переломаю, ясно?

Ясно. Все мне было с ними ясно. И ноги переломают, и руки. Никто в этом не сомневался, да и я не дура. Как назло, на улице не души, хоть и центр города, но какой-то дикий район, где даже кошки не шастают. Квадратный кивнул Витьку, и они завязали мне глаза, когда они это сделали, меня начало трясти от ужаса, по всему телу разбежались мурашки.

– Зачем? Не надо глаза! Вы сумасшедшие? Не надо!

– Заткнись и не ори. Таковы условия у клиента. Чтоб дорогу не видела. Не верещи. Он хорошие деньги платит, может, чаевые даст тебе, дуре облезлой, если заранее не побрезгует.

Машина затормозила, и Витек выволок меня наружу. Когда я попыталась дернуться, что-то холодное уперлось мне в бок.

– Это ствол! Пристрелю сучку! Из-под земли достану и пристрелю, если что не так пойдет.

От ужаса волосы на затылке дыбом встали. А он толкнул меня в спину и повел под руку.

– Иди давай. Можно подумать, целка. Да на таких, как ты, пробы негде ставить, сразу видно – шлюшка малолетняя. Небось, сосешь за сигарету.

– Урод! Мама твоя за сигареты сосет!

– Найду потом и уши оторву.

– Ну-ну. Найди и оторви. Это я тебя найду и яйца оторву.

Послышался звук открываемой дверцы, и меня впихнули в теплый салон, пахнущий дорогим мужским одеколоном. От ужаса у меня задрожали колени, и стало нечем дышать. Ну вот и все. Влипла ты, Сенька. Машина тронулась с места. Водитель не издал ни звука.

– Меня ведь не убьют? – тихо спросила и впилась в дверную ручку.

Мне никто и ничего не ответил. С каждой секундой ста-

новилось все страшнее, но этот ужас, скорее, сковывал по рукам и ногам, чем помогал действовать.

– Куда мы едем?

И снова тишина. Мне представилось, что машина сворачивает куда-то в лес, за город и что рядом со мной сидит ужасный маньяк с жуткими глазами, у него в кармане нож или скальпель, и он будет резать меня на куски. Несмотря на тепло в салоне машины, у меня зуб на зуб не попадал, и я слышала, как они стучат в гробовой тишине. Если мы приедем в лес, я должна сбросить эти проклятые туфли и бежать куда глаза глядят, может, мне и повезет. Я ведь хорошо бегаю.

Автомобиль мягонько остановился, и мое сердце забилось так громко, что, наверное, этот извращенец мог его услышать, мне казалось, что оно стучит как колокол. Меня взяли под руку и молча куда-то повели. Я хотела закричать, но у меня почему-то пропал голос.

Но когда ноги шагнули на ступеньки, стало немного спокойней, но ненадолго, потому что в голове тут же нарисовался заброшенный дом с заколоченными окнами… Но под туфлями, которые шлепали на пятках, я почувствовала мякоть ковра и медленно выдохнула. Мой локоть сжали сильнее, и я поняла, что идти надо быстрее. В голове ни одной мысли, ни одной идеи. Ни черта в этой голове нет и плана, как удрать, тоже нет. Ужас в ней только. Я ощущала опасность каждой клеточкой тела, привыкла ее ощущать ка-

ким-то десятым чувством. Когда жизнь где-то очень много отнимает, то где-то очень много дает. Мне она дала отменную интуицию. Правда, работала она с переменным успехом. Услышала, как тот, кто меня вел, постучал в какую-то дверь, щелкнул замок, и меня ввели в помещение. Здесь пахло иначе и было довольно прохладно… и запах отчего-то показался знакомым. Мужского дорогого одеколона и сигар. Услышала, как сзади опять щелкнул замок, и замерла на месте. И что теперь делать? Можно снять повязку или надо быть в ней?

Я выжидала… повязку отчего-то снимать было страшно, и теперь я только прислушивалась к каждому звуку. Где-то впереди меня послышались шаги. Неторопливые, размеренные. Там, где он идет, нет ковра, и я слышу, как чеканит подошва по паркету. Приблизился ко мне, и я судорожно выдохнула. Ощутила, как чьи-то пальцы тронули мои волосы… точнее, тронули парик. И тут же его содрали с моей головы вместе с шарфиком.

По нервам ударил свет, и я зажмурилась… И тут раздался хохот. Истерический громкий мужской хохот. Он показался мне знакомым. Я открыла глаза и чуть не заорала – передо мной стоял Барский. В расстегнутой до половины рубашке с бокалом в руке и сигарой и хохотал, как одержимый. От неожиданности и страха я дернулась в сторону двери, но меня тут же впечатали в нее мордой и выкрутили мне руку назад.

– Куда собралась? А? Есения Назарова, или как тебя там?

А в этот раз ты случайно здесь или опять за деньгами пришла? Вот это встреча… не верю я в случайности!

Руку заломил так, что я от боли губы закусила.

– Больно… очень больно. Отпустите! Меня заставили… заставили прийти… Я не эта. Не шлюха я!

– Да ладно. Серьезно? А юбка, из-под которой трусы видно, и чулки эти проститутские так, для антуража?

– Серьезно! Отпустите! Я просто уйду, и все!

– Куда? Я за тебя деньги заплатил! Ты помнишь, зачем тебя сюда привезли?

Я всегда знала, что все эти олигархи – они извращенцы, они точно маньяки. И этот, наверное, один из самых страшных педофилов.

– Меня заставили, мне всего лишь пятнадцать. Отпустите меня. Я верну все деньги. Честно.

– Вернет она. А возвращать как будешь? По частям? Или машину мне помоешь? А может, туфли будешь чистить?

Развернул к себе, и я больно ударилась затылком о дверь.

Его глаза лихорадочно поблескивали, а светлая рубашка оттеняла сильную смуглую шею. Вблизи он казался мне очень опасным, очень взрослым и ужасно злым. Казался кем-то, кто способен мне выпустить кишки. Только не сразу, а разрезать живот и наматывать на вилочку, как Ганнибал Лектор.

– Кто тебя постоянно ко мне подсылает, м?

И неожиданно со всей дури заехал кулаком прямо возле

моего лица, и я взвизгнула.

Хотела дернуть ручку, но он схватил меня за скулы пятерней и вдавил затылком назад.

– В какие игры мы играем, а Есения? Или кто там играет в игры? Что у тебя в карманах? Диктофон? Жучки? Снимай свои тряпки вонючие.

– Ннет! Ничего… правда, ничего!

– Снимай, я сказал, не то все сам сдеру!

В ярости он оказался ужасен, словно в него вселился сам дьявол, никогда в жизни меня еще так не парализовывало ужасом. Он стащил с меня куртку, отшвырнул в сторону и сдернул юбку, потом схватился за топ и разодрал его на груди. Я яростно сопротивлялась, отбивалась изо всех сил, но он был не просто сильнее, а в десять тысяч раз сильнее. Закрылась руками и закричала.

– Только не насилуйте и не бейте, не надо… пожалуйста… не надо.

Рука на моем плече разжалась, и он схватил меня за подбородок, заставляя посмотреть себе в глаза. Повернул мою голову вправо, влево. Теранул больно ладонью по щеке, там, где синяк, и я вскрикнула, а он еще больнее сжал подбородок.

– Это где тебя так? И кто? Сутенер твой?

– У меня нет сутенера… я не шлюха!

Он наклонился и вытрусил мои шмотки одну за другой. Движения быстрые, ловкие. Потом снова поднял на меня

волчий взгляд.

– Под трусами ничего нет?

Я отрицательно качнула головой, всхлипывая и тяжело дыша, глядя на него и вжимаясь в стену голой спиной. Звериное выражение начало пропадать с лица Барского, и он потер переносицу двумя пальцами. Потом вдруг начал расстегивать рубашку, и я чуть не зашлась от жуткого понимания, что меня уже ничего не спасет.

– Нет… не надо… прошу вас, не надо…. не надоооо!

Шагнул ко мне и ткнул мне в руки рубашку.

– Оденься и пошли со мной. Рассказывать будешь.

Я прижала к себе рубашку и посмотрела в его до сумасшествия светлые глаза. В них не было ни грамма похоти, только какая-то злость холодная и… что-то, чего я не могла понять совершенно. Спокойней не стало… стало еще страшнее.

– Правду, ясно? Солжешь, я тебя в ванной утоплю.

Я быстро закивала, чувствуя, как слабость расползается по телу. А он развернулся ко мне голой мускулистой спиной и пошел в сторону сервированного у огромного окна столика с двумя роскошными креслами.

– Голодная? Ужин заказать?

– Нннет… даааа. Голодная.

От нервов я бы сейчас и слона сожрала. А потом снова на его спину… на мускулы и широкий разворот плеч. Он шкаф открыл и новую рубашку надевает, а я дрожащими руками на этой пуговки застегиваю… и мне его телом пахнет, в нос

забивается этот запах. Наверное, настоящие мужчины пахнут именно так, как он. Силой, властью и диким зверем. От ужаса и от восхищения до дрожи в коленках. Прошлась босыми ногами по ковру, затем по паркету, а он за стол сел и откинулся на спинку кресла. Потом на меня взгляд перевел.

– Сначала в ванну сходи. Тебя одели, а помыть забыли. Воняешь, как помойная яма.

– Может, я лучше пойду? Просто уйду, и все…

– Пойдешь, когда я скажу. А сейчас помойся и сядешь есть. Потом рассказывать будешь, как сюда попала, и кто тебя под меня собрался подложить.

– И вы меня отпустите?

– Может быть, и отпущу, если врать опять не будешь.

И сигару закурил… а я на пальцы его сильные снова посмотрела, и отчего-то заныло под ложечкой.

Глава 6

В эту ванну страшно ступить… да что там, блин, страшно даже на краешек сесть. Я такие только в кино видела, и на все эти пузырьки-коробочки глаза раскрылись. Зачесались руки… Ну а что? Если я пару тюбиков того, никто ж не обеднеет. Только спрятать некуда – на мне трусы и его рубашка… Разве что в трусы, но если выпадут, я точно огребу от этого… Барина, чтоб его. Я прислушалась к тому, что там происходило в комнате, кажется, он с кем-то говорил по сотовому. Подкралась к двери и приложила ухо.

– Ты совсем обалдел, Костя? Ты кого мне привез? Где ты вообще ее взял? Я что, вокзальную бл*дь просил? У нее вши наверняка в патлах нечёсаных и еще черт знает какие болячки. Да мне неинтересно, где ты их берешь, ясно? Но вот таких вот, чтоб больше мне не привозил, от таких бомжи носы воротят. Да и лет ей сколько, видел? Все! Нет! Сегодня не надо никого… Я тебя потом наберу, мне кое-что нужно, чтобы ты сделал.

Голос начал приближаться, и я отскочила от двери и открутила воду. Вот урод! Это я – вшивая, и даже бомж на меня не позарится? От обиды начало жечь в глазах, и я проглотила слезы. Влезла в ванну, и засаднил счесанный еще позавчера бок, посмотрела вниз и чертыхнулась – нехило я так

на пузе проехалась. Намочила голову и вылила на себя почти всю баночку шампуня, потом постояла и вылила в ванну все содержимое баночек. Пусть этот чистоплюй моется, чем хочет… Но как бы я не злилась, наслаждение от горячей воды, огромной ванной и сумасшедших цветочных запахов перебивало все плохое, о чем я думала.

Вылезать из ванной не хотелось, но Барин пожаловали и постучали в дверь, и я чуть не подпрыгнула от неожиданности, тут же шторкой замуровалась – вдруг войдет, с него станется. Ему ж все можно.

– Эй ты, ЛисА, чего затаилась там? Давай быстрее, ужин остынет.

Какой заботливый выискался, ни на грамм не верю ему. Сейчас выйду, и придется либо врать, либо рассказывать про анонима… а про анонима никак нельзя, иначе мне доказательства не пришлют, да и этот придушить может, если все узнает. Но из ванной я все же вылезла и перед зеркалом остановилась, посмотрела на себя и так, и эдак. Страшная. Патлы как мочалка… как у этой в мультфильме Храброе сердце, только она красивая. А я… а я на драную кошку похожа. Кожа и кости, ребра торчат, правда, грудь вылезла где-то с полгода назад. Без нее удобней было. Волосы под шапку, свитер по колено, и ни одна мразь не глазеет и не норовит лапнуть. Теперь сложнее. Теперь лезть начали. Глаза у меня небольшие, вздернуты к вискам, как у китайцев, только покрупнее раза в два, и вся физиономия в этих мерзких

штуках… как я их ненавижу. Веснушками язык назвать не поворачивается – это плямбы мелкие светло– коричневые, как обляпало чем-то. Ненавижу их. А губы… два вареника, вечно трескаются, сохнут. Говорят, мажорки сейчас себе рот силиконом накачивают, кто б мне его уменьшил. Нравился мне у себя только нос. Он один не подкачал. Хотя мог быть и покрупнее, а так из-за него губы еще толще казались. А еще я ушастая. Но из-за патл не видно не то что ушей, иногда и физиономии не видно, они у меня вьются мелкими спиральками и торчат, куда хотят и как хотят. Но пока мокрые, еще ничего так… вроде выглядят прилично. Я повертела головой, и кровь прилила к щекам, когда трусы увидела, те, что белобрысая на меня напялила. Я их в мусорку определила… потом передумала, но с мусорки доставать уже как-то было неприятно. И что мне теперь делать? Осмотрелась и увидела махровый халат.

– Ты чего притихла, м? Мне дверь взломать?

– Я сейчас!

Завернулась в халат… в него можно было обернуться раза три, завязалась поясом и, спотыкаясь, вывалилась из ванной.

Барский стоял за дверью и даже приподнял одну бровь, когда посмотрел на меня… захотелось выцарапать ему глаза за этот мерзкий взгляд, которым смотрят обычно на грызунов или жуков. Мне отчего-то ужасно хотелось, чтоб он смотрел на меня по-другому… но это из области фантастики.

– Ну хоть не воняешь, уже хорошо.

И пошел к столу, а я поплелась за ним, наступая на полы халата, и в итоге таки растянулась на паркете. Барский приподнял голову. Но даже не дернулся помочь встать, встала я сама с огромным трудом, потому что проклятый халат завернулся на мне, как кокон.

– Садись. – кивнул на кресло, и я взобралась на него, со стыдом слыша, как заурчало в животе, когда увидела на ужин спагетти с кусочками курицы и грибами. Я сама не поняла, как уже через секунду сидела с набитым ртом и пялилась в телевизор, где извивалась какая-то блондинка и что-то пела. Барский не мешал есть, он потягивал виски или что там у него было в бокале, медленно выпускал дым и пристально на меня смотрел… Но мне было плевать, пусть хоть в микроскоп меня разглядывает, я жрать хочу. И так вкусно я никогда в жизни не ела. Когда почти доела и спагетти не наматывались на вилку, я помогла себе руками и тут же посмотрела на Барина. Сидит, смотрит, подперев голову рукой… теперь я напоминала себе обезьянку, которую покормили и наблюдали с любопытством на ее гримасы и поведение. Я облизала пальцы, и он опять противно поднял бровь, я тут же перестала это делать и нашла взглядом салфетку. Ужасно хотелось вылизать тарелку. Так хотелось, что скулы сводило. Но этого сделать я уже не посмела. Пусть не думает, что я совсем некультурная.

– Рассказывай!

Скомандовал, когда я доела, и я тут же растерялась… но потом быстро собралась и принялась рассказывать про свои злоключения после того, как он меня вышвырнул на площади. Барский слушал внимательно и не мешал… только пальцем слегка постукивал по столу. Когда я закончила, он осушил остатки жидкости в своем бокале и поставил его на стол.

– Я, кажется, просил не лгать, – тихо и вкрадчиво сказал он, глядя мне прямо в глаза, и у меня по телу прошлась волна ужаса… почему-то вот таким спокойным он пугал меня намного больше.

– Я не лгу!

– Лжешь! Кто твой сутенер и как он вышел на меня?

Светло-голубые глаза загипнотизировали и заставили поежиться, в них не осталось ничего человеческого, они сковали меня холодом, и я не могла даже пошевелиться.

– Нет у меня никаких сутенеров, не знаю, с кем вы там привыкли общаться, но я не такая, как ваши девки.

Глаза сверкнули недобрым огнем, и я вдруг пожалела, что настолько нагло с ним разговариваю. Мы одни в этом номере, и он меня размажет по стенке, как слепого котенка.

– Я не спрашивал, какая ты, я спросил, кто твой сутенер и что ему от меня нужно… сколько и зачем тебе заплатили в первый раз за твою сказку и зачем подсунули во второй?

Я и боялась его, и злилась одновременно. Пусть не называет смерть моих родителей сказкой!

– Сказки вы рассказываете вашим избирателям, а я прав-

ду сказала про родителей и в остальном тоже правду!

Глава 7

Меня заперли в четырех стенах в каком-то отвратительно шикарном доме, который теперь стал моей клеткой. Заперли в полном смысле этого слова, и я ни черта не понимала, зачем это сделали. В течение первых суток сюда даже никто не приехал. Я бродила по пустым комнатам, где все пахло свежим ремонтом и не имелось ни малейшего слоя пыли, и в каждой спальне, а я насчитала их штук шесть (зачем людям такое общежитие?), минимум мебели. Хотелось что-то развалить или разбить, но было нечего. Все шкафы несдвигаемые и дверцы «несломаемые». Окна жалко, ведь я замерзну. Я разбила пару тарелок, но, когда взялась за третью, в доме что-то мерзко затрещало. Оказалось, там есть телефон. Обыкновенный, кнопочный, со шнуром из стенки.

– Да! – рявкнула в трубку, все еще сжимая тарелку дрожащими пальцами.

– Разобьешь еще одну – жрать, как ты любишь говорить, будешь с пола. – голос Барского прозвучал совершенно неожиданно для меня, я даже подпрыгнула на месте. – Твой обед в дороге.

И выключился. Просто взял и выключился, урод. Ненавижу! Ужасно хотелось разбить и эту тарелку, но… перспектива жрать с пола не прельщала. А я не ела уже давно. Я злобно

поставила тарелку на стол и осмотрелась в поисках камер. Нашла их под потолком, попрыгала, тщетно пытаясь достать руками, пододвинула стул, а не тут-то было – они припаяны к потолку под надежным непробиваемым стеклом. Как предусмотрительно. От бессилия хотелось кого-то убить. Но вместо этого услышала, как в коридоре открылась дверь. Бросилась туда и, увидев знакомого манекена с бледной вытянутой рожей, разочарованно выдохнула. С ним говорить не о чем. Это прихвостень Барского, который притащил меня к нему. Я уже пыталась пообщаться – ни черта не вышло.

Зато он принес обед, и я готова была все простить, ровно пока все не съела и не оказалась в полнейшем одиночестве. Барский заявился через неделю, когда я уже окончательно потеряла человеческий облик и сама себе казалась зверенышем на цепи. Он заявился как ни в чем не бывало в своем светло-сером пальто, с поднятым воротником, с двумя картонными пакетами. Подкуп приятно пах и сбивал с настроя выцарапать мэру глаза и прирезать ножичком с кухни. Тупым. С зубчиками. Но я бы справилась… наверное. Если бы он спал со связанными руками. А так я против него козявка в метр с кепкой. Поставил пакеты на пол и по-хозяйски скомандовал.

– Ну что, Лиса Патрикеевна, спесь поутихла? Неси пакеты на кухню и доставай последние две тарелки.

Я и не подумала сдвинуться с места:

– А ботиночки вам не снять, ножки не вымыть, за сига-

ретками не метнуться?

Барский оскалился, именно оскалился, а не засмеялся. Со мной его лицо всегда преображалось, чтобы напугать как можно больше. И в то же время засмотреться на эту щетину и линию рта, на нос с горбинкой. Хищный, как у опасной птицы.

– Если захочу, и ботиночки снимешь, и ножки вымоешь, и языком высушишь.

– Вы себя жестоко обманываете! Скорее, вены себе перережу.

Пожал плечами, снял пальто, повесил в шкаф и, подхватив пакеты, прошел мимо меня на кухню. От него все так же умопомрачительно пахло, сбивая с настроя и заставляя непроизвольно втянуть запах и попереться за ним следом хвостиком, и тихонько шмыгать носом, принюхиваясь. Барский водрузил пакеты на стол и, не поворачиваясь ко мне, по-деловому поставил прозрачный электрочайник (я тоже думала его разбить, но было слишком холодно, а чай у них вкусный) на плиту.

– Значит так, Лиса, ты сейчас поешь и внимательно меня выслушаешь. Оччччень внимательно, так как от этого зависит, что тебя ждет дальше – нормальная жизнь или колония, а потом тюрьма.

– Алле! Какая тюрьма? Вы говорите, да не заговаривайтесь. Меня в тюрьму не за что.

Ухмыльнулся и так не по-доброму, так хищно, что у меня

мураши по телу забегали.

– Я найду – за что. Поверь, у меня и власти, и денег хватит упечь тебя в строгаче на пожизненное.

– А за что, спрашивается?

– Да за что угодно. За убийство, за кражу, за проституцию. Персонально для тебя будет составлен букет на любой вкус и срок. – выставил две баночки, покрутил одну в руке. – Я не знал, какой соус ты любишь, и взял два. Чесночный и кетчуп.

Какой я люблю соус? А никакой, бл*дь, я их отродясь не пробовала. И вообще, какая к черту тюрьма. Внутри все клокотало от испуга, и сердце билось так сильно и гулко, что, казалось, выскочит сейчас через рот.

– Я не хочу в тюрьму!

– Конечно, не хочешь. Туда никто не хочет. Ты ж не идиотка, хотеть себе плохого, верно, Лисичка?

– Не называйте меня так! Бесит!

– А мне нравится.

Он достал из пакетов остальные коробочки, а я уставилась на его руки с толстым кольцом на безымянном пальце и красивыми блестящими часами на запястье. Вены возле костяшек чуть выступают, но не так уродливо, как у грузчиков, а красиво, по-мужски. Мне вдруг стало интересно, какие они – его руки. Теплые? Холодные? Шершавые или мягкие? Да хоть ледяные, как его глаза проклятущие, бледные. И мне какое дело до его граблей?!

– А поэтому мы с тобой, Есения, будем заключать дого-

вор.

Он разложил на тарелки содержимое коробочек, и мой желудок уже привычно и отвратительно спалился этим дурацким урчанием. Вечно голодный… блин, вечно меня выставляет бомжихой. Барский сел на стул и кивнул мне на тот, что стоял напротив. Я взобралась на него и твердо решила не есть, пока этот гад не скажет, чего от меня хочет. Но руки чуть ли не сами тянулись к вилке. Но слово «договор» внушало ужас и какие-то совсем жутко-плохие и постыдные мысли.

– И что за договор? Спать с вами, да? В этом домике? Я так и знала, что вы извращенец и педофил!

А он расхохотался. Раскатисто, оскорбительно и настолько мерзко, что мне захотелось разбить тарелку о его голову. Он продолжал смеяться, как будто я сказала что-то такое глупое и несуразное… и мне стало стыдно, захотелось превратиться в точку и испариться.

– Ну ты и дура, Есения. Ничего более нелепого я в своей жизни не слышал, – посмотрел на меня и захохотал снова. И я не выдержала, схватила вилку и изо всех сил хотела вонзить ему в руку, но вместо этого вонзила в стол, так как руку он молниеносно убрал. Жаль, не попала! Но хоть ржать перестал. Ледяные глаза сузились, и он вдруг схватил меня за запястье и выкрутил с такой силой, что я, взвыв, чуть не клюнула носом в тарелку, в свое тушеное мясо, от которого так умопомрачительно пахло.

– Еще раз поднимешь на меня руку – сломаю.

И тут же отпустил.

– Попробуй. Это мясо по-мексикански. Твой отец его любил и меня на него подсадил.

У меня от удивления перестало болеть запястье, и я, округлив глаза, уставилась на Барского. Он заговорил со мной о моем отце?

– Да, Сергей любил мясо по-мексикански, и лучше, чем твоя мать, никто не умел его готовить. Попробуй. Может, вкусовые предпочтения передаются по наследству.

И смотрит прямо мне в глаза, очень внимательно, словно душу сканирует, прощупывает, обыскивает. Он страшный человек, он точно психопат. Вот так вот переключаться может только маньяк какой-то. Я попробовала мясо и от наслаждения чуть не застонала, это, и правда, было безумно вкусно.

– Ты ешь-ешь, а я буду говорить. Я так понимаю, что тюрьма тебе не подходит, а значит остается вариант с нормальной жизнью. Но ее надо заслужить. И поэтому ты будешь учиться, ты будешь меняться ровно до тех пор, пока я не решу, что тебя можно показывать людям.

Я с полным ртом опять посмотрела на него и ощутила, что горло сдавило спазмом. Проглотить я точно ничего не смогу. Но я все же проглотила и нагло спросила:

– А нормальная жизнь – это означает, что вы отдадите мне деньги моего отца и отпустите?

И снова этот хохот, который пробуждает во мне желание убивать.

– Нет. Это означает, что я потрачу их на то, чтоб сделать из тебя человека, Есения.

– И что это за фигня?

– Ты останешься здесь, в этом доме, и пока я не решу, что ты достаточно изменилась, ты отсюда не выйдешь… – он красиво надкусил кусочек хлеба и так же красиво прожевал мелко нарезанное мясо.

Боже! Он точно сумасшедший!

– Не выйдет! Меня искать будут! Вы не имеете никакого права удерживать меня здесь насильно! Меня будут искать… это похищение… это…

Барский сунул руку за полу пиджака и достал какую-то бумажку, сложенную вчетверо. Кинул мне очень небрежно, чтоб, наверное, не дай Бог ко мне не прикоснуться.

– Копия официально оформленного опекунства над Назаровой Есенией Сергеевной. Опекун – конечно же, я. С этого дня я имею на тебя все права и начну воспитывать так, как я считаю нужным, и воспитаю… либо отправлю туда, где по тебе давно нары плачут. Кстати, можно не тянуть время и сделать это именно сейчас. Выбор за тобой.

Я подавилась мясом, закашлялась, но он даже не подал мне воды, я сама нащупала стакан, запила, пытаясь отдышаться, и все это под его ненавистным взглядом, полным злорадного триумфа.

– Вы… вы хитрый и подлый сукин сын! Вы это нарочно сделали, чтоб… чтоб ничего мне не давать.

Я не успела даже отшатнуться, как ощутила очень болезненный удар по губам. Так, что кровью рот наполнился и засаднило разбитую губу. Тронула языком и поморщилась.

– Урок первый – никакого мата при мне и на меня! Соус возьми томатный, чесночный будет теперь печь.

От обиды на глаза навернулись слезы, но урок был доходчивым. И вполне подходящим, для такой, как я. Я поняла – он сильнее и намного, а еще поняла, что церемониться со мной не будут. У меня пока что нет никакого выбора.

– Вот так. Правильное решение, Лиса. Умные и хитрые зверьки умеют приспосабливаться к обстоятельствам.

– Я не зверек!

– Верно. Пока что ты даже не зверек, ты глупое насекомое, которое постоянно заползает в то место, где его непременно раздавят. Завтра Константин Григорьевич отвезет тебя на медосмотр. После этого пройдешь тесты, чтоб понять уровень твоих знаний и развития.

Он промокнул свои идеальные, красивые полные губы салфеткой и отпил минеральной воды из стакана. А я все еще трогала языком рваную ранку изнутри и смотрела на него исподлобья.

– Я здорова.

– Очень в этом сомневаюсь. Может, у тебя вши или какие-то паразиты. Так что это не обсуждается. Пройдешь пол-

ный медосмотр.

Он набрал кого-то по сотовому.

– Костя, завтра возьмешь Есению в клинику. Нет, она будет хорошо себя вести. Пройдете офтальмолога, лора, инфекциониста, терапевта, гинеколога и стоматолога.

– Гинеколога? – вскрикнула я. – А это еще зачем? Не пойду! Не дам, чтоб у меня там ковырялись!

Глаза Барского и без того огромные стали еще больше. Видимо, он не ожидал такой реакции. А еще, что я ляпну подобное в его присутствии. Наверное. Его бровь опять вздернулась вверх. Прикрыл трубку ладонью и теперь заставил меня залиться краской.

– Может, все же лучше в тюрьму? Там будут желающие поковыряться в тебе насильно и не один раз! И не только там, где гинекологи. М?

Сволочь! Какой же он моральный урод! Ненавижу его! Я к себе хочу, в детдом, в привычную среду. Боже! Зачем я только пришла к нему тогда?

– Вот и правильно. Мой долг перед другом – заботиться о здоровье его дочери.

Глава 8

– Андрей Васильевич, я о делах на отдыхе не говорю. Но для тебя сделаю исключение. Присаживайся. В ногах правды нет.

Я посмотрел на лысоватого депутата с толстым брюшком и бегающими серыми глазками. Нервничает. Конечно, нервничает. Они всегда нервничают, когда приближаются настолько близко. Боятся. А как говорил мой отец:

«Боятся – значит уважают. Ты людей не любить тебя заставляй и не восхищаться. Нееет. Все это ерунда. Бояться они должны. Так, чтоб поджилки дрожали и во рту сохло. Тогда и уважение появится».

И прав был на все сто процентов. Нет ничего вкуснее и плодотворнее страха. Но труднее всего заставить себя бояться и при этом действительно испытывать желание подчиняться. Это вам не девяностые. Косить направо и налево тех, кто неугоден, уже не выйдет. Точнее, выйдет, но уже иными методами. Боровской благодаря мне пролез в верха и теперь зубами держался за свое место, но люди так устроены, что им всегда и всего мало. Они хотят большего. Например, больше денег. Вот и он хотел… и я даже знал, чего именно он хочет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.